

О ГИНДЕНБУРГЕ П. В. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

ГИНДЕНБУРГ Петр Васильевич, родился в 1883 в Минске. Окончил гимназию в Минске, учился на физико-математическом факультете университета в Санкт-Петербурге. С 1911 — служил в Северном пароходном обществе, с 1912 — в торговом порту в Санкт-Петербурге, с июля 1917 — в Херсоне, с 1921 — преподавал в трудовой школе в Прилуках, с 1925 — в школе в колонии Ольгино Терского округа, с 1928 — в девятилетней школе в колонии Великокняжеская Невинномысского района, затем — в Техникуме индустриального земледелия. Женат на Елизавете Ивановне Гинденбург, в семье — сын. 13 апреля 1933 — арестован по групповому делу и заключен в Армавирскую тюрьму.

В октябре 1933 — к Екатерине Павловне Пешковой обратилась за помощью его жена, Елизавета Ивановна Гинденбург.

<6 октября 1933>

«УВАЖАЕМАЯ ЕКАТЕРИНА ПАВЛОВНА

Долгое и тяжелое горе моей семьи и мое все более обостряется и делает положение нестерпимым, тяжелым и заставляет меня обратиться к Вам за помощью.

В апреле 13-го с<его> г<ода> мой муж, Гинденбург Петр Васильевич, учитель математики, физики и технологии металлов в Техникуме и Ш<коле> К<> М<олодежи> колонии Великокняжеской Невинномысского района, был арестован вместе с другими 12 преподавателями и направлен в Армавирский сектор ОГПУ, ему предъявлено обвинение по ст<атье> 58, т<о> е<сть>, что он состоял в организации и распространял националистические идеи среди учащихся и населения. До сего времени он находится в заключении, последнее время в Армавирском Ф<абрично>-З<авод-ской> И<справительно>-Т<рудовой> К<олонии>, и хотя следствие по этому делу уже 23-го июля закончено, но решения все еще нет, и, говорят, оно в Ростовском КПТ.

Муж мой, 50 лет, родился и воспитывался в Минске. Дед его описан Достоевским в его "Дневнике писателя", гл<ава> IX, под заглавием "Общечеловек". Отец его был чиновником Минского Акцизного Управления и умер около Вильны, живя лишь на пенсию. Моему мужу с юношеских лет пришлось пробивать себе дорогу, постоянно нуждаясь. Он кончил гимназию и поступил на физико-математический факультет С<анкт>-Петербургского университета, который не кончил из-за нужды. В 1911 году, еще не кончив университета, он начал службу в Северно<м> Пароходном Обществе и в 1912 г<оду> перешел служить в Ленинградский Торговый Порт. Там ему с объявлением войны пришлось много терпеть преследований из-за фамилии, особенно от газет Нового вечернего времени. В 1917 г<оду> он был переброшен в июле м<еся>це в Херсон, где служил до 1921 года, будучи в союзе с 1919 г<ода>. В 1921 г<оду> после смерти своей первой жены, русской тоже и переболев свиным тифом, он переехал в Прилуки, где была его мать.

Затребован он был туда отделом Освиты и откомандирован начальн<иком> Херс<онского> Торг<ового> Порта. В Прилуках он пробыл 4 года, был самым любимым учителем учеников 5-й Труд<овой> Школы, но ради введения украинского яз<ыка> перешел в колонию Ольгино Терского округа, где тоже работал учителем 4 года, после чего был привлечен для работы в Великокняжескую нем<ецкую> 9-ти летку, затем перешел в Техникум Индустриального Земледелия.

За всю свою службу он отдавал работе все свои силы, знание и здоровье, твердо стоя на советской платформе и горячо веруя в социалистическое строительство. С другими товарищами он имел мало общения, сидя постоянно над своими книгами, тетрадями и переводами. В организациях он вообще ни в каких не состоял и далек был от националистических идей. Такое направление было ему чуждо в корне, нетерпимо им, наоборот, нам еще часто приходилось переносить нападки из-за того, что я русская и не говорю по-немецки. Дома мы всегда говорили только по-русски. Он невинен ни в чем и всегда был честным советским работником и, вообще, насколько мне известно, никаких организаций не было. Он мне неоднократно писал: "Если б могли читать мои мысли, меня сразу же выпустили бы", — и он бы, не щадя себя, дальше работал бы по подготовке кадров для социалистического строительства.

Прошу Вас помочь нам, дальше нет сил ждать. Муж больной, у него склероз, опухоль ног, болезнь сердца и желудка, с каждым днем заключения его здоровье ухудшается, и трудоспособность ослабевает. Материально мы уже пришли совершенно к нищете и больше помочь ему я не могу.

Я уже совсем в отчаянии...

Все, о чем я писала, подтверждено документами, т<ак> к<ак> мужем в Сектор были представлены в подлинниках 11 документов, характеризующих его службу, образование, пребывание в союзе и работу в нем, они должны быть там при деле мужа.

Арест его я объясняю только клеветой и завистью нехороших людей, которым он стоял на дороге и был неудобен своей прямоотой и откровенностью.

Очень прошу Вас еще раз помочь нам, вернуть мне мужа и сыну нашему, 10 лет, отца, мы уже так намучились и исстрадались, и дать возможность мужу своей работой доказать искренность и преданность Советской власти.

Я сама русская и уже 11 лет с ним живу, мне еще 29 лет, а я уже седая от этого горя. Помогите нам... я уже и жить совсем не хочу... только сына жаль...

Простите за беспокойство...

С глубоким уважением <подпись> Е. Гинденбург.

Адрес мой: Г<ород> Микоян-Шахар, до востребования, Елизавете Ивановне Гинденбург.

6/Х-33 г<ода>»¹.

¹ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1042. С. 73. Машинопись, подпись — автограф.